

Виктор Точинов

Ностальгия

*Часть сборника
Русская фантастика 2008*

Виктор Павлович Точинов

Ностальгия

авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158363

Аннотация

Экстрасенсы... Телепаты, читающие мысли... Мы с любопытством смотрим передачи о них, листаем статьи в бульварной прессе, с усмешкой смотрим на рекламу «белых магов» и «потомственных колдуний». Но если телепат-экстрасенс заявится к ВАМ домой и начнет читать ВАШИ мысли – приятно мало.

Именно с такого визита началась дикая история, приключившаяся с журналистом Сергеем Белецким...

Содержание

Пролог	4
Глава первая. Прекрасная новая жизнь	7
1.	7
2.	12
3.	17
Глава вторая. Никогда не пускайте на порог незнакомцев	23
1.	23
2.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Виктор Точинов

Ностальгия

Пролог

Они засмеялись, и он понял: эта ставка проиграна... Никто не поверил и уже не поверит, возможность упущена... Впереди беспросветная тьма...

Остается последний шанс. Небольшой, крохотный, исчезающе малый. Они не ждут от него подвоха, – там, в разложенных на столе бумагах, нет понятной лишь посвященным отметки, неприметной такой закорючки, означающей: клиент опасен. Не нарисована, не давал он повода.

А вот те два бугая, застывшие у дверей, готовы ко всему, наверняка готовы, им документы для ознакомления не предоставляют. Но... но они никакого понятия не имеют о боевом айкидо, равно как и о прочих восточных боевых искусствах. Откуда? Они и фильма-то ни одного не видели с участием Брюса Ли, или Джеки Чана, или еще какого-нибудь известного руконогомашца.

Это его шанс. Последний. Вырваться силой, используя эффект неожиданности – и со всех ног туда, в переулочек-тупичок...

Он попытался с максимальной точностью восстановить в

памяти, как сюда попал. Не всю свою одиссею, разумеется, лишь последний ее маленький отрезок: от входных дверей до этого помещения. И понял: да, главное препятствие – два амбала. Лестница и коридор были пустынными, если сейчас кто и попадется случайно на пути, едва ли немедленно и активно вмешается... Перепрыгнуть турникет-вертушку у выхода – не проблема, вахтер в своей застекленной будочке и сообразить не успеет, что к чему.

Очередной вопрос он проигнорировал. Последовавший за ним – тоже. Попросту не услышал их. Сидел на привинченном к полу табурете, полностью расслабившись, отключившись от всего. Успокоил дыхание, сердцебиение, стал тихий и неподвижный, как готовая к взрыву мина...

А потом взорвался!

С диким воплем взвился в воздух, рванул к дверям... Через долю секунды один из амбалов согнулся пополам, начал заваливаться набок. Второй устоял, хоть и отлетел к стене, – челюсть отвешена, в глазах изумление: если кто-то и бил гориллоида ногами по лицу, то наверняка только лежащего. Тут же схлопотал добавку – в кадык, костяшками четырех согнутых пальцев. Готов!

Дверь оказалась заперта, но ключ торчал из скважины – простой, дешевенький, с подвешенной к кольцу деревянной грушевидной калабахой. Щелк! Щелк! – и в коридор, а теперь запереть их снаружи – лишняя фора не помешает.

Торопливо пихая ключ в скважину, он не услышал, не

увидел, — шестым чувством ощутил за спиной движение, обернулся прыжком...

Серая форма, погоны, лицо толком не разглядел — в его собственное лицо уже летел, заслонив обзор, кулак, — здоровенный, поросший рыжими волосками.

Бац!

Кулак впился в скулу, затылок ударился о дверь — с мерзким таким хрустким звуком, эхом прокатившимся по всему телу...

Сознание он не потерял, но мало что видел и слышал: перед глазами стояла огненная вспышка, а эхо продолжало греметь в ушах, и становилось все громче. Ноги не держали, он оплыл по двери на пол. Но способность мыслить осталась, и мысль была одна: всё кончено.

А началось всё с того, что Сергей Белецкий всерьез решил жить по-новому...

Глава первая.

Прекрасная новая жизнь

1.

Как известно, начинать новую жизнь принято в понедельник.

Особенно к таким резким понедельничным переменам в своей судьбе склонны пьющие граждане – когда похмелье безжалостно терзает и тело, и душу, а некоторые подробности вчерашнего веселья не хочется даже вспоминать, приходит понимание: так жить нельзя. Жить надо иначе. И утром понедельника наступает новая жизнь, чтобы воскресным вечером снова завершиться – примерно тем же, что и предыдущая...

Сергей Белецкий в то утро похмельным синдромом не страдал. Почти... Однако новую жизнь решил-таки начать, ибо понедельник выдался особый, всем понедельникам понедельник. Мало того, что с него начиналась неделя, и месяц, и даже год... Так еще и век, и тысячелетие. Миллениум...

Праздник Сергей встречал в одиночестве, так уж получилось. А если тебе сорок один, и единственный твой компаньон в новогоднюю ночь – телевизор, поневоле о многом за-

думаешься...

Первое утро нового тысячелетия получилось не таким уж похмельным. Хотя надраться накануне хотелось, особенно после того, как Даша (тридцать первого, в обеденный перерыв, в редакции уже возбужденно-радостно расставляли стаканы и нарезали закуску) начала объяснять, стыдливо отводя глаза: понимаешь, так уж сложилось, родители неожиданно приезжают, сама только вчера узнала – и ну никак не могу, но уж на Рождество или на старый новый мы обязательно... Врала, без сомнения. И про родителей, и про Рождество. Но уговаривать или докапываться до истинных причин Сергей не стал. Зачем? Всё на свете когда-то заканчивается, глупо было ожидать, что их служебный романчик станет исключением... Хотя он, дурак, одно время ожидал-таки. Хорошо, Рождество так Рождество, кивнул он с деланным равнодушием, – чем, похоже разочаровал Дашу.

Запасных вариантов не нашлось. Никто не приглашал Сергея в гости – всерьез, так, чтобы можно было позвонить: передумал, приду... Сидел, меланхолически поедая продукты, заранее купленные для праздничного ужина на двоих – готовить и возиться с сервировкой не стал, выуживал зеленый горошек, огурчики, шпроты прямо из банок, салат оливье – из пластикового магазинного ведрышка; хотелось напиться – сдержался, заполировал пару стопариков водки шампанским, – и всё. Настроение... а-а, какое тут, к чертям, настроение. Не запустил в экран бутылкой, и то ладно.

...Утром пришла Наташка – не совсем ранним утром, ближе к обеду. Поздравить, дескать, отца с Миллениумом. Поздравила, вручила перетянутую ленточкой коробку – внутри шесть хрустальных фужеров, стандартный подарок, посуду Сергею дарили часто, как-то не задерживалась она в доме, билась постоянно.

Отдарился и он – золотой гарнитурчик: колечко с сережками, не особо дорогой, для девятнадцатилетней барышни в самый раз... Посидели, разлили в новые фужеры вчерашнее шампанское, поковырялись во вчерашнем салате, – Сергей поглядывал на дочь с любопытством, неспроста ведь заглянула, Миллениум – наверняка предлог; про сорокалетие отца, например, – всё ж юбилей, как-никак – вспомнила лишь месяц спустя...

Не ошибся. Лишь пригубив шампанское, набрала полную грудь воздуха, и бабахнула, как в лоб из трехдюймовки: папа, я выхожу замуж! Ну что тут скажешь... Поздравляю, сказал он. За Николая? Фи-и, папулик, ты отстал от жизни, Коля – прошлый век, прошлое тысячелетие... Его зовут Артур.

Рановато, конечно, в девятнадцать-то, на втором курсе... А с другой стороны, ни к чему затягивать: не успеет оглянуться, а уж двадцать с хвостиком, и хвостик всё длиннее, длиннее, длиннее, и все больше будет рядом подрастающих молодых соперниц, а неженатых ровесников – все меньше, и кое-какие недостатки внешности, сейчас искупаемые юностью и свежестью, станут всё заметнее... Правильно, в об-

щем, решила. Зовут – иди, а то и довыбираться недолго.

Ничего из этих мыслей он вслух не произнес. Начал было интересоваться женихом: кто сам, кто родители, неплохо бы познакомиться... Но тут выяснилось, что в трехдюймовке запасен другой снаряд: а еще, папочка, ты достаточно скоро станешь дедушкой. Готовься.

Да-а-а... Вот так она и подкрадывается, злодейка-старость. Подползает по-пластунски, и, как диверсант зазевавшегося часового, – ножом по горлу. Вроде и со здоровьем проблем нет, и чувствуешь себя, как в тридцать, – так нате вам: дедушка. Другой статус, как ни крути. Стариковский.

Наташка передохнуть и освоиться с новым статусом не дала: очень ее интересовало, как папочка намеревается поспособствовать семейной жизни дочери, зятя и будущего внука. Особенно в жилищном вопросе, жить с малышом в студенческой общаге – не вариант... Поможет со съемной квартирой? Или пустит по месту прописки?

Прописана дочь была здесь, в трехкомнатной квартире Сергея. Места хватило бы и для молодой семьи, но... С другой стороны, можно и разменять, много ли ему надо, вон, две комнаты фактически нежилые, пылью зарастают. Но...

Он встал, шагнул к холодильнику, достал запотевшую бутылку водки, – всё молча. Потом задумчиво следил, как тоненькая прозрачная струйка повисла в воздухе, соединив два относительно сообщающихся сосуда...

Наташка притихла в тревожном ожидании, знала: харак-

тер у папочки достаточно непредсказуемый. Может приятно удивить, а может ой как даже наоборот...

Сергей проглотил водку, не почувствовав ни вкуса, ни градуса. Запоздало сказал, накалывая на вилку маринованный огурчик:

– За молодую семью! За новую ячейку общества!

Не хотел, но прозвучало отчего-то весьма ехидно, лицо у дочери стало нехорошим, и он торопливо добавил:

– Въезжайте и живите! Места хватит – детская, гостиная, спальня... Только уж извини, зятя тут прописывать я пока не буду. И кое-что из обстановки заберу.

– А ты? – спросила Наташка, причем сумела интонацией вопроса передать сложную гамму чувств: радость, удивление и легкое недоверие. – К ней?

С Дашей он дочь познакомил – когда тешил себя дурной надеждой, что всё там всерьез.

– А я начну новую жизнь, – твердо сказал Сергей, и сам понял: не пустая декларация, так и будет.

Спустя час после ухода дочери он позвонил Угалаеву, поздравил с Миллениумом, выслушал ответные поздравления-пожелания, слегка удивленные... Затем выдержал паузу и произнес два слова:

– Я согласен.

Новая жизнь началась.

2.

Проект, к работе над которым привлек Сергея старый знакомец Угалаев, носил название – условное, рабочее – «Русский Куршевель». Условное, но вполне объясняющее суть дела.

Куршевель... Какой же русский не любит заграничных курортов? Любят все, но каждый предпочитает что-то свое. Скажите, где вы отдыхаете, – и вам скажут, кто вы. По крайней мере, достаточно точно определяют, сколько вы зарабатываете в год... Турция? Болгария? Кипр? – да вы, милостивый государь, дешевка, наивно считающая: то, что отстегирует вам хозяин, – и есть деньги. Юго-Восточная Азия? – фу-у-у, какой моветон, приличные люди туда давно уже не ездят... Лазурный берег? – ну, может и стоит присмотреться к вам чуть повнимательней... Но если прозвучит волшебное название: Куршевель, – то попытки оценить вас в рублях, долларах, евро мгновенно прекратятся. Куршевель – это не признак богатства. Это статус. Это – *вхожесть*. Это близость к элите, к сливкам, к самым-самым.

Всё это Угалаев, понятное дело, Сергею не рассказывал. Тот и сам понимал, не вчера на свет появился. Но что обозначало определение «Русский»?

То и обозначало. Курорт, по статусу сравнимый с Куршевелем, – но у нас. Для сливок. Для элиты. Для самых-са-

мых. Новой кремлевской элите – новый курорт. Сергей тогда хмыкнул недоверчиво: такой статус просто так не получишь... Можно взвинтить цены, чтобы отсечь шушеру, считающую, что миллион рублей – большие деньги. Можно вложить бешеные бабки в здания, в инфраструктуру, в рекламу, в прочее... И – все равно пролететь. В лучшем случае набегут парвеню, выскочки с дурно пахнущими капиталами, этим всё и закончится.

Угалаев покивал: молодец, зришь в корень. Деньги важны, кто бы спорил. Но еще более важно, кто стоит за проектом. Кому не надо ни копейки в рекламу вкладывать, достаточно просто-напросто поехать отдыхать в определенное место... И оно вмиг станет *модным*, как по мановению волшебной палочки. Между своими, между самым узким кругом. Узким, но высшим, – а остальные сами налетят, и зазывать не надо. Как мухи на мёд. Или как на другую субстанцию.

И кто же этот волшебник с палочкой? Сергей, помнится, тогда был настроен весьма скептически. Навидался, знаете ли. Всяких разных проектов, за которыми какие только киты якобы не стояли... Или китам стоять не на чем, да и нечем? Неважно, так или иначе кончалось всё пшиком.

Угалаев сказал, кто. Шепотом, на ухо. Позерство, конечно, – подслушать их никто не мог. То есть мог, с применением всяких шпионских штучек-дрючек, но такую вероятность оставим для малобюджетных сериалов.

Сергей ахнул: неужто Сам? Названное имя впечатляло.

Более чем. Угалаев улыбнулся – этак победительно, словно именно он, и никто иной, подписал Самого на участие в проекте.

И где же планируется Куршевель а-ля русс? А вот этого, старик, я тебе сказать не могу, покачал головой Угалаев. Большой секрет. Представляешь, как там вздорожает земля в округе? Цены рванут вверх не то что как на дрожжах, – взлетят, как земля, выброшенная взрывом из воронки. Скупка идет, сам понимаешь, – но исподволь, осторожно. Ни к чему светить проект раньше времени.

Сказать не могу – сейчас. Но если согласишься на то, что тебе предлагают, – скажу, есть такие полномочия. И можешь неплохо приподняться. Вложишь заначку в тамошнюю землю – дело беспроеигрышное. В непосредственной близости к телу ничего тебе купить не дадут, и не мечтай, все уже схвачено. Но в более обширной VIP-зоне есть еще возможность...

А что именно предлагают? – поинтересовался Сергей.

То, что ты хорошо умеешь, естественно. Имеется у проекта один аспект, о котором сразу как-то не подумали. Упустили из виду. Теперь спохватились – и есть шанс впрыгнуть в трамвай, уходящий к светлому будущему. Светлому не для всех, но для нас с тобой точно. Потому что если мы там *зацепимся*... – Угалаев даже мечтательно зажмурился, видно, такие уж ослепительные перспективы вставляли перед его внутренним взором.

Что именно он умеет хорошо делать, Сергей в общем-то понимал вполне отчетливо. Ясное дело, не о его «девичьей» специальности идет речь – забыл все давно и прочно, и с трудом даже представлял, чем сейчас занимаются инженеры-системотехники. Учили его работать на таких гробах... каменный век по сравнению с нынешней компьютерной машинерией.

СМИ? – спросил он. Этакая «Газета нашего городка» – издание для узкого круга читателей, интересующихся весьма специфичными новостями?

Газета, но не только, кивнул Угалаев. Небольшой медийный холдинг: кабельный телеканал, местная радиостанция, в перспективе – ежемесячный журнал. Работа над концепцией идет полным ходом, и я, скажу не хвастаясь, не последний человек в этой работе. И ты, надеюсь, удачно вступишься. А потом начнется воплощение, и дел будет по горло. Так что совмещать с нынешней твоей службой не удастся, уж извини. И жить придется там, по крайней мере на первых порах. Квартирой обеспечат, с возможностью выкупить на самых льготных условиях, – тоже, кстати, вариант, которым не стоит пренебрегать. От Питера недалеко, на уик-энд уехать домой не проблема, но мотаться каждый день туда и обратно все-таки напряжно.

Сергей попросил время, чтобы все хорошенько обдумать. Думай, но побыстрее, согласился Угалаев. Хотя о чем тут думать? Такой шанс раз в жизни выпадает...

В результате раздумий Сергей Белецкий в первый день нового тысячелетия позвонил Угалаеву, и сказал: я согласен.

3.

Неделю спустя Сергей понял: еще большой вопрос, кто кого выбрал – он новую жизнь, или она его. Одно вопросов не вызывало: тот факт, что старая жизнь рассыпается на глазах. А может, остается прежней – но выталкивает его, Сергея. Отторгает, как инородное тело.

Первый рабочий день выпал на восьмое января. И, не успели по местам разойтись, впечатлениями о затянувшихся праздниках обменяться, – сюрприз: все на общее собрание трудового коллектива! Актового зала в редакции не было, натащили отовсюду стулья, расселись в обширном холле, куда выходили двери нескольких кабинетов.

Шеф-редактор резину тянуть не стал, огорошил сразу: как вы знаете, наш еженедельник – закрытое акционерное общество. Так вот, в самом конце минувшего года состоялось собрание акционеров. Среди прочих принято решение о слиянии с «Утром Санкт-Петербурга». Ничего не изменится, обещал шеф, останемся в прежнем составе, прежней спаянной командой, будем выходить как еженедельное приложение... Но переезжать придется, готовьтесь. Уверенно говорил, однако в глаза никому не взглянул – как уставился на кадку с пластиковой пальмой, так и пялился на нее, словно ботаник, обнаруживший неизвестное науке растение.

Опс... Подарочек... Ведь узнал всё, старый прохвост, еще

в том веке, – но не стал настроение портить на праздники. Потому что любому, кроме редакционных блондинок, ясно: когда бо́льшая структура сливается с меньшей, это называется чуть иначе. Не слиянием, а поглощением. Ненужных, продублированных должностей станет при таком слиянии предостаточно. И сотрудникам какой из «слившихся» спаянных команд придется уходить, гадать не приходится.

Есть и другой аспект. Политический. «УСП» на минувших выборах поддерживало «медведей» – активно, напористо. Еженедельник, где работал Сергей, – проигравших, и тоже в выражениях не стеснялся. С сегодняшнего дня придется хаять тех, кого вчера хвалил, и наоборот. Проституция в чистом виде. Профессионалам клавиатуры, в общем-то, не привыкать, и понятно, отчего кормильцы-поильцы решили примкнуть к победителям, но все равно неприятно...

Обсуждали в курилке. Редакционные блондинки, гламурно потягивая тонюсенькие сигаретки-соломинки, шушукались о главном: повысят или нет им зарплату. Те, кто помоложе, интересовались и другим: а как в «УСП» обстоит дело с поголовьем неженатых мужчин?

Лешка Базыкин по прозвищу Жеребец мутит воду. (Жеребец – не за великие постельные подвиги. За выступающие вперед зубы и манеру мотать головой, откидывая сползающую на глаза челку; а характер резкий, импульсивный, никак уж не мерин...)

Вот и сейчас рыл копытом землю, мотал башкой своей ло-

шадиной, – возмущался. Служить *этим*? За деньги? Да денег на всех и не хватит, после выборов финансовые краники всегда прикручивают, – хотя, может, и не всех разом убьют, а постепенно – но к лету лишних людей в объединенной редакции не останется. Увольняться надо всем и самим, – и оформлять как политическую протестную акцию.

Никто не отвечал, и смотрели на него, как на инопланетянина. Всё понял, далеко не глуп был, – не докурил, размазал сигарету о стену, ушел.

Курилка находилась на лестнице, уходившие поднимались, – и когда ноги Лешки оказались на уровне глаз Сергея, тот обратил внимание: покрытые соляными разводами ботинки буквально разваливаются, в паре мест разошлись по швам... Так вот и живет Жеребец, правдоискатель доморощенный: ни квартиры, ни машины, каждый день в одних и тех же джинсах – новые покупает, когда прежние до дыр протрут... Ему уволиться, как высморкаться, все равно подолгу нигде не задерживается. А ведь вместе когда-то начинали, рядом, в студенческой газете «В полет!», и одни и те же мысли в головах бродили... И вот как разошлись дороги. Дурак он, по большому счету, хоть и умный. Идеалист и безбашенно-талантливый дурак. Но... но почему-то Сергей именно в тот момент понял, что он сюда, к людям этим, еще вернется. Не насовсем – покрасоваться победителем на белом коне, после реализации проекта «Русский Куршевель». Но чтобы при этом присутствовал Лешка Базыкин, не хочет-

ся абсолютно.

...В приемной шефа кучковался народ, желающий тет-а-тетно решить кое-какие рабочие вопросы – не так-то просто в один момент изменить курс на сто восемьдесят градусов. Сергея пропустили без очереди, главный сам пожелал его видеть, и можно было догадаться, по какому поводу.

Угадал. Шеф начал издавека: как рождественские каникулы прошли, Сергей Борисович, уезжали куда-нибудь, или здесь праздновали? (Обращался он ко всем без исключения сотрудникам на «вы» и по имени-отчеству; правда, в иных случаях это «выканье» звучало как утонченная издевка.) Как дочь, внуками порадовать не собирается? Сергей отвечал скупой – пустой ритуал, демонстрация отеческой начальственной заботы; ждал главного. Про Наташкины новости ничего не сказал, естественно.

Дошло и до главного. Я понимаю, сочувственно говорил шеф, что материал о Сребровицком и его шахерах-махерах в Приморском районе собран большой, работа проделана немалая... Но поймите и меня... Конечно, затраты времени и трудов будут компенсированы... Частично.

Сергей все понимал. Материал он готовил убойный, информационную бомбу. Но кто ж позволит ее подложить под сидища новых благодетелей?

Дальше главный вовсе уж заюлил: неплохо бы материальчики того... сами понимаете... А то развелось сейчас всяких хакеров... Он понимал и это – шлепнул на стол дискету:

забирайте, дескать, здесь всё, единственная копия. Можете стереть, но лучше бы сохранить – а вдруг кто-то другой перекупит еженедельник?

Шеф впервые взглянул прямо в глаза – с беспомощным удивлением: никак не должен был Сергей говорить такое.

Из того же кармана, что и дискета, появился сложенный вчетверо лист бумаги – заявление об увольнении. Вовсе ошарашенный шеф что-то забормотал, ничего выдумывать в объяснение своего решения не хотелось, Сергей вспомнил Лешку-Жеребца, и сказал, как отрезал: не буду я *этим* служить. Ни за какие деньги.

Может, показалось, – но во взгляде старого прохиндея вроде бы мелькнуло нечто, напоминающее уважение, – мелькнуло и укололо, словно булавкой...

Даше, пытавшейся объяснить, отчего у них не сложилась совместная встреча Рождества, он сказал просто: я уезжаю, далеко и надолго. С собой пригласить никак не могу, так что давай расстанемся друзьями. Потом был тяжелый разговор минут на сорок – все в той же курилке, уже опустевшей; выяснилось, что женщины, пусть и готовящиеся к расставанию, весьма болезненно переносят, когда инициатива в данном процессе переходит к мужчине... Он говорил намеренно ровным тоном, негромко, и старался задавить в себе мелкое, пакостное какое-то злорадство; злорадство попало живучее, и все пыталось прорваться наружу – то в виде ироничной фразы, то ехидной улыбочки.

...Ну вот, вроде и всё... Рудименты старой жизни ампутированы. Впереди новая, куда лучшая. И все-таки чуть грустно ступать в последний раз по этим коридорам – пять лет топтал, как-никак. В молодости куда легче расставался с привычной обстановкой... Возрастное, наверное. После сорока́ люди куда сильнее склонны к ностальгии.

Глава вторая. Никогда не пускайте на порог незнакомцев

1.

Апрельский день выдался чудесный.

Солнце жарило так, словно запуталось в календаре или географии: вообразило, будто здесь и сейчас не то июль, не то флоридский пляж. Талые лужи ослепляли солнечными зайчиками, и Сергей впервые в этом году – да что там, в этом тысячелетии – надел очки-хамелеоны. Сугробы – почерневшие, скукоженные – кое-где еще лежали, ни дать, ни взять – выбросившиеся на берег кашалоты, ожидающие скорой кончины; а первая травка уже пробивалась над теплотрассами. У воробьев и прочих малых птах, случился, казалось, гормональный взрыв: надрывались, чирикали оглушительно, – не иначе как получили точные и достоверные известия о грядущем конце света, и призывали своих подруг провести последние часы в самом разгульном веселье.

Настроение было вполне под стать дню. Все шло хорошо, настолько хорошо, что если бы имел Сергей обыкновение носить перстень – снял бы с пальца, да и швырнул бы в речку Каменку, на манер одного древнегреческого тирана. Но зо-

лото, тем более с бриллиантами, на руках у мужчин он считал безвкусицей, да и тому древнему греку, помнится, не помогла его попытка откупиться от судьбы. Ну и ладно, это ж так, в шутку...

Отработал Сергей до обеда, а потом отправился в магазин «Все для дома» – по здешним меркам его вполне можно было считать супер-пупер-гипермаркетом, по питерским – средней руки универсальным магазинчиком.

Выбор настенных водонагревательных устройств в соответствующем отделе был невелик, но всё же был. Однако Сергей не стал ломать голову, и пользоваться ценными советами менеджера-консультанта тоже не стал, сразу указал на круглящийся белыми боками агрегат: оформляйте, дескать, и упаковывайте. Точно такая же пятидесятилитровая модель той же фирмы висела у него дома, в Питере. Вернее, теперь, – дома у Наташки и зятя.

Пока упаковывали, он прошел в отдел сантехники, где стал владельцем двух гибких водоподводящих трубок, двух шаровых кранов и еще кое-какой мелкой водопроводной фурнитуры. Затем – в инструменты, прикупил дрель с набором алмазных сверл и два мощных анкерных болта.

Вернулся в отдел бытовой техники – водогрей стоял уже в виде здоровенной кубической коробки, заклеенной скотчем и перевязанной. Продавец поинтересовался: кредит оформлять будете? – кивнул на столик, за которым сидела сонного вида женщина. Перед разомлевшей на весеннем солнышке

дамой стояла табличка с названием известного банка. Да нет, спасибо, заплачу наличными.

Доставка? Монтаж?

Еще раз спасибо, сам справлюсь.

Гарантия действительна только при нашем монтаже, напомнил продавец. Сергей молча пожал плечами и достал бумажник. Знаем мы ваш монтаж, проходили: платишь деньги, потом сидишь целый день дома, ждешь мастера, потом он звонит и говорит, что заказов куча и придет он только завтра, а когда наконец приходит, выясняется, что дело минутное – просверлить пару отверстий да затянуть несколько резьбовых соединений... Аллах с ними, с деньгами, но время терять совсем не с руки. А гарантия... Ну чему там ломаться, скажите? Устроена бандура проще электрочайника: бак, магниевый анод и термореле.

Нынешний шопинг был вызван неприятным обстоятельством – единственным, пожалуй, омрачившим идиллическую картину новой жизни. Квартира хоть и считалась со всеми удобствами, но горячая вода текла из крана лишь три дня в неделю. Не хватало мощностей у местных коммунальщиков, и они всю практикували плановые отключения. Аборигены как-то приспособились, мылись по четкому графику, но Сергей привык принимать душ по желанию, а не по возможности. Стоит ли мучиться, если цена вопроса – полторы сотни долларов?

Для того и отпрашился сегодня на полдня у Угалаева – ре-

шить проблему раз и навсегда. Вечерами возвращался обычно поздно, и сверлить кирпичные стены, нарушая покой соседей, не хотелось.

Когда Сергей шагал к подъезду, осторожно обходя лужи, — почувствовал на себе чей-то взгляд. Кто-то очень неприязненно уставился в затылок. Оборачиваться сразу не стал, не до того, нагружен как верблюд: здоровенная коробка в одной руке, в другой всё остальное: пакет с прочими покупками, ноутбук, барсетка... Оглянулся лишь у дверей подъезда, поставив водогрей на относительно сухое место. Никого — по крайней мере, в непосредственной близости. Мнительность... Бывает.

...Звонок в дверь прозвучал, когда приобретения были уже распакованы, инструменты лежали наготове, а Сергей решал принципиальный вопрос: в кухне или в ванной повесить водогрей?

В кухне он разместится идеально — будет висеть, никому не мешая, в углу за холодильником. Но — неизбежны потери тепла, вода проделает гораздо больший путь по трубам. Одному человеку принять душ не помешает, достаточно лишь сильнее открутить кран горячей воды на смесителе, емкости бака вполне хватит... Но не вечно же он будет жить один? Есть на примете вариант, который может завершиться весьма приятным образом...

Вешать в ванной — проблема теплотери отпадает, но встает другая: встанешь у раковины, почистить зубы, на-

пример, – и нижний край агрегата оказывается в неприятной близости от головы. Неосторожное движение – и ходи с шишкой. Потом, наверное, приноровится – как привык на автомате, не задумываясь, уклоняться от острого угла навесного шкафчика в питерской квартире. Но стоит ли приноровляться к неудобству, которое сам и создал?

Так ничего и не решил – в дверь позвонили. Пошел открывать с легким раздражением: совсем не вовремя.

Знал бы Сергей Белецкий, чем всё закончится – ни за что не отпер бы, и задвинул бы засов, и накинул бы цепочку... Забаррикадировал бы дверь мебелью, черт возьми!

Но он не знал.

2.

Место, избранное для «Русского Куршевеля», поначалу показалось Сергею странным – Солнечноборск, сонный маленький райцентр Ленинградской области. Ну, не совсем он, – будущая курортная VIP-зона располагалась поодаль, километрах в тридцати.

Впоследствии стало ясно: в выборе этом присутствует железная логика.

Почему неподалеку от Питера, гадать нечего, – в больших московских кабинетах сейчас особенно много выходцев из северной столицы. Квартиры в Москве они получили, семьи перевезли, – но здесь остались родственники, друзья детства... Корни.

Но отчего выбран стоящий на отшибе Солнечноборск? Курорты Карельского перешейка по традиции жмутся к побережью Финского залива... Поразмыслив, Сергей понял: а зачем нам эти дешевые курорты по соседству? Да и залив – мелководная и загрязненная стоками огромного города Маркизова лужа – ничего интересного из себя не представляет.

А здесь, в северо-восточной, глухой части перешейка, под боком Ладога. От моря размерами мало отличается, самое крупное хранилище пресной воды в Европе. Чистой воды, что немаловажно, – Петербург и половина области пьют ладожскую водичку... Холодна, конечно, даже в сравнении с

Финским заливом. Но именно тут, возле Солнечноборска, имеет место некая температурная аномалия, – обширная и относительно мелководная бухта Солнечная очень даже хорошо прогревается, длинная песчаная коса препятствует поступлению придонной, ледяной ладожской воды. Да и бассейнов понастроят – с подогревом, с искусственной морской солью, за ваши деньги любые капризы.

Плюс горы... Настоящий альпинист презрительно сплюнет, если при нем назвать так возвышенности на левом берегу Каменки. Сплюнет и обзовет кочками, или кучками чего-то дурнопахнущего. Однако достаточно крутые склоны имеются, вполне можно проложить горнолыжную трассу – а этот спорт сейчас не менее моден, чем теннис в недавние времена.

Чуть дальше к северу – огромный заповедник, какого зверья только не разведено, включая благородных пятнистых оленей и завезенных из Беловежья зубров. Охоты можно устраивать прямо-таки царские.

Ну и прочее, как на остальном Карельском: дюны, мачтовые сосны, целебный воздух хвойных лесов... Северная Швейцария.

Экология на высоте, был в Солнечноборске целлюлозно-бумажный комбинат – прикрыли три года назад. (Уже тогда готовились? Вполне возможно...) Предприятие градообразующее – городок начал постепенно вымирать, народ потянулся в более денежные места... Ездить на рабо-

ту в Питер нереально – три с половиной часа в переполненной электричке в один конец. Да и ходят те электрички по ветке-одноколейке все реже, все чаще сбои в расписании, тоже неспроста, вероятно... Шоссе, ведущее к райцентру, автомобилестроительные фирмы сейчас могут смело использовать в качестве полигона для испытания новых подвесок. Недолго использовать, коренное улучшение неизбежно... Хотя... Может, и не ожидается никаких улучшений, неподалеку имеется бывший военный объект, аэродром с готовой взлетно-посадочной полосой, – важные персоны будут прибывать по воздуху, и по идеально-ровной, закрытой для посторонних трассе катить в свои VIP-владения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.